
ПОСВЯЩЕНИЕ ¹⁾

Мм. Гг.!

Первую лекцію позволите мнѣ посвятить не книгѣ и наукѣ, не спорамъ ученыхъ и свидѣтельствамъ авторитетовъ, а *вамъ и себѣ*, имѣющимъ „дѣлать“ самую науку. Я такъ бы и хотѣлъ озаглавить свою первую лекцію: посвященіе.

Этимъ названіемъ обозначаютъ иногда возведеніе въ ту или другую іерархическую степень и церковную должность. Но я не соединяю съ своимъ терминомъ такого значенія. Смыслъ, въ которомъ я употребляю слово „посвященіе“, скорѣе близокъ къ тому, въ которомъ его берутъ *влюбленные поэты*.

Предметомъ моего „посвященія“ будетъ *кругъ* тѣхъ лекцій, которыя вы услышите отъ меня, какъ преподавателя Доктриначескаго Богословія.

Кому же, спрашивается, „посвящается“ этотъ „предметъ“?— Вамъ, конечно, *прежде всего*. Вамъ, т. е. *третьему и четвертому курсамъ Московской Духовной Академіи*.

Но не вамъ однимъ, а *всей Академіи*, по крайшей мѣрѣ, въ идеѣ или, лучше, въ лицѣ двухъ ея курсовъ.

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что меня *должна* слушать „вся Академія“, а лишь то, что я *долженъ* работать на цѣлую Академію, не считаясь съ тѣмъ, посѣщаетъ ли меня „вся Академія“ или одинъ *курсъ*, два курса или два *человѣка*.

Наконецъ, кругъ моихъ лекцій „посвящается“ *всякому върующему и мыслящему человѣку*. То, что будетъ читаться

¹⁾ Прочитано въ качествѣ первой лекціи осенняго семестра.

здѣсь, въ аудиторіи, должно быть слышимо во всѣхъ углахъ христіанскаго образованнаго міра. Этого требуетъ достоинство не лектора, а школы и—съ чѣмъ также, полагаю, согласитесь вы—важность занимаемой мною кафедры. Подобно сыномъ Кореевымъ, я могу воспѣть: услышите сія вси языцы, внушите вси живущіи по вселенней.. 1) воскликнуть вкупѣ съ Исаіей: слыши небо и внуши земле... 2), сказать вмѣстѣ съ Григоріемъ Богословомъ: внимайте народы, племена, языки, люди всякаго рода, всякаго возраста... внимайте мнѣ всѣ небесныя силы... 3)

Я сказалъ: „всякому вѣрующему и мыслящему человѣку“. Не просто вѣрующему, но и *мыслящему* въ то же время человѣку. Для полнаго успѣха въ занятіяхъ Догматическимъ Богословіемъ не достаточно, какъ *одной вѣры*, такъ и *чистой мысли*.

Не достаточно вѣры потому, что вѣрующему, но *не мыслящему* слушателю довольно *грама*, гдѣ онъ можетъ учиться догматамъ Церкви. Зачѣмъ ему—Академія? Ему нуженъ *амвонъ*, а не кафедра, *проповѣдникъ*, а не профессоръ.

Не достаточно также и мысли. Пусть мыслящій, но *не вѣрующій* студентъ, которому требуется только знаніе и не нужно назиданіе, поступаетъ лучше въ Университетъ, занимается дифференціальнымъ исчисленіемъ, опредѣленіемъ вѣса атома водорода и т. д. Что можетъ дать ему *Духовная Академія*? что можетъ сказать ему *Догматическое Богословіе*?

На фронтонѣ Платоновой Академіи было начертано: да не входитъ сюда не знающій геометріи. Надъ дверями моеи аудиторіи могла бы стоять такая надпись: пусть уходитъ отсюда не имѣющій вѣры и не желающій мыслить.

Вѣра и мысль, такимъ образомъ, намъ нужны *одинаково*. чтобы съ успѣхомъ „дѣлать“ нашу науку, какъ водородъ и кислородъ, чтобы составить воду. Тогда *каждому* изъ вѣрующихъ и мыслящихъ людей могутъ дать что-нибудь и мои догматико-богословскія лекціи.

Вы, быть можетъ, ждете отъ меня „новаго слова“ или,

1) Фл. ѿн, с. в.

2) Ис. гл. ѿ, с. в.

3) Первое обличительное слово на царя Юліана.

какъ еще выражаются теперь, „новаго откровенія“? Нѣтъ, я не скажу его. Восемнадцатъ слишкомъ вѣковъ тому назадъ было сказано человѣчеству это, старое уже теперь, но и вмѣстѣ *вѣчное* слово, дано міру *новое* въ собственномъ смыслѣ откровеніе. Все же, что пыталось потомъ и пытается теперь замѣнить его собою, оказывается жалкимъ *лететомъ*, слабой *искрой* въ сравненіи съ оглушительнымъ раскатомъ грома, съ ослѣпительнымъ блескомъ молніи.

Отказываясь отъ „новаго слова“, какъ откровенія какихъ-то новыхъ вѣчныхъ истинъ, я не отрекаюсь отъ новаго *возглашенія* или *употребленія* этого слова, поскольку оно входитъ въ аппаратъ нашей науки.

Скажу напередъ, что это употребленіе не будетъ также исходить изъ своеобразной интерпретаціи христіанства, потому что для меня священно и не устарѣло то его пониманіе, которое носитъ имя *Православія*.

Я призываю васъ, поэтому, не „къ реформированію христіанства“, не къ „корректирѣ церковнаго вѣроученія“ какъ это дѣлается на Западѣ (либерально-протестантской теологіей) и у насъ отчасти (неохристіанствомъ), но *къ положительному религіозно-научному творчеству, къ живому и сознательному воспріятію уже даннаго Самимъ Богомъ Откровенія, къ глубокому проникновенію въ богочеловѣческую сущность христіанскаго благовѣстія, къ дѣйственно-любовному усвоенію православнаго вѣроученія.*

Отсюда задача моего преподаванія заключается не только въ сообщеніи извѣстнаго цикла знаній, но и, что гораздо важнѣе, *въ претвореніи моего предмета въ цѣлое религіозное міровоззрѣніе, въ христіанскій образъ мыслей, въ церковную систему убѣжденій.*

Понятно, что аргументація, преслѣдующая послѣднюю цѣль, не можетъ быть школьно-трафаретной, но должна прокладывать себѣ *новые пути* въ области богословской мысли. И ея цѣлепригодность обусловливается не столько формально-логической *правильностью*, хотя и это не маловажно, сколько *согласованностью* ея со всѣми основными потребностями человѣческой психо-натуры.

Я надѣюсь, что такая постановка Догматики, при которой будутъ, имѣть мѣсто, какъ тексты Св. Писанія и ученія цитаты, такъ и *богатая сокровища вѣкового опыта церкви и ея*

отдѣльныхъ, великихъ бого-въдовъ вмѣстѣ съ дузовно-культурными пріобрѣтеніями человѣчества вообще, найдетъ себѣ сочувствіе у аудиторіи и дастъ мнѣ возможность осуществить, давно желѣмую всѣми заинтересованными въ прогрессъ нашей науки людьми, реорганизацію Догматическаго Богословія.

Я *долженъ* еще поблагодарить слушавшее меня на пробныхъ лекціяхъ студенчество за тотъ *теплый* пріемъ, который я встрѣтилъ тогда и который доселѣ служитъ для меня залогомъ нашей будущей *дружбы*.

Нужно ли говорить, съ какимъ *замыраніемъ сердца* ожидался мною этотъ „экзамень на профессора“!?

Подобное чувство испытываетъ, вѣроятно, „молодой батюшка“, изъ крестьянъ, вернувшійся изъ школы священникомъ къ родному храму,—чувство, не знакомое „поповичу“, природному семинаристу, съ пренебреженіемъ иногда третирующему апостольское служеніе „іерея“. Съ умиленіемъ взираетъ этотъ, бывшій „Микитка“, а теперь всѣмъ приходомъ величаемый „отцомъ Никитой“, на знакомыя стѣны храма, и все ему кажется такимъ новымъ, большимъ, необычайнымъ.

Въ одинаковомъ свѣтѣ является и *передо мной* эта аудиторія, бывшая въ мое студенчество читальней, въ которой я провелъ не мало часовъ, впитывая въ себя книжную мудрость...

Какъ бы ни было различно то и другое положеніе: и тогда, и теперь, и васъ, и меня можетъ одушевлять общая идея *великости* совершаемаго нами дѣла. Въдь не даромъ Академія называется „высшею школой“. Не напрасно, конечно, студенчество считается „золотою порою“ жизни.

Это объясняется не тѣмъ, разумѣется, обстоятельствомъ, что академистъ пріобрѣтаетъ право на занятіе лучшихъ должностей, на полученіе высшихъ окладовъ и т. п. привилегій. или что студенту, въ особенности стипендіату, какъ содержащемуся „на казенныхъ хлѣбахъ“, ничего не остается дѣлать, какъ только „лежать“, да „плевать въ потолокъ“. Такая „хлѣбная“ точка зрѣнія *не достойна*, какъ богословскои школы, такъ и ея студента.

„Высшею школой“ Академія является потому, что она поднимаетъ своихъ питомцевъ на такія *высоты* богословскаго знанія и умственной жизни вообще, до которыхъ не только семинарія и другія ниже-стоящія школы не доводятъ, но къ

которымъ по выходѣ изъ Академіи, быть можетъ, не суждено вернуться и многимъ изъ васъ. Здѣсь справедливо, съ нѣкоторымъ пониженіемъ тона, сказать: „блаженіи очи, видящія яже видите“ и отъ себя прибавить: и уши, слышащія, яже слышите.

Въ самомъ дѣлѣ: обремененный семьей и заботами „ба-тюшка“, затерявшійся гдѣ нибудь въ лѣсныхъ дебряхъ, которому иногда нечего почитать, кромѣ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, развѣ не хотѣлъ бы онъ сѣсть здѣсь, съ вами рядомъ, и питаться *изъ полного бѣлода* богословской науки, а не подбирать только крохъ, падающихъ съ академическихъ кафедръ на страницы провинціальныхъ изданій?

Или сельскому „педагогу“, застрявшему у глухого проселка, развѣ не хотѣлось бы, хоть на одинъ часъ вознестись сюда, чтобы подышать *чистымъ воздухомъ знакія*, а не гнить заживо въ атмосферѣ микробныхъ интрижекъ?

Да и изъ васъ *немногимъ* лишь удастся устроиться въ Москвѣ или другомъ подобномъ культурномъ центрѣ. Остальные должны будутъ размѣститься не только по Ярославлямъ, но и по Пошехоньямъ, гдѣ появленіе „профессора“—цѣлое „событіе“, а пять лекцій не на день, а на цѣлый годъ едва наберется.

„Золотою“ студенческая пора оказывается не потому лишь, что въ большинствѣ случаевъ она совпадаетъ съ юностью, временемъ *расцвѣта* физическихъ и психическихъ силъ человѣка, но и потому еще, что, благодаря подъему на вершины знанія, благодаря постоянно испытываемымъ мыслью всевозможнымъ толчкамъ, въ студентахъ съ особенною силою раскрывается сознаніе своей личности, своего человѣческаго достоинства, своей *свободно-творческой* сущности.

Приобщенный къ высшей культурѣ, человѣкъ уже не удовле-творяется имѣющимися у него *традиционно* воспринятымъ образомъ мыслей. Онъ хочетъ *самъ, лично* убѣдиться во всемъ, построить *свое, собственное* міровоззрѣніе, тревожно ищетъ рѣшенія „проклятыхъ вопросовъ“ въ области мысли, „новыхъ путей“ въ сферѣ жизни.

И вотъ тогда-то аудиторія становится какимъ-то *пылающимъ горномъ*, въ которомъ плавится благороднѣйшій металлъ человеческой души, стремясь отлиться въ тѣ или другія формы, какою-то *творческой студіей*, гдѣ геній cadaго

высѣкаетъ изъ себя опредѣленный типъ, а вся школа превращается въ подлинный „храмъ науки“.

Тогда и профессоръ, произвольно или непроизвольно, выступаетъ участникомъ въ вашей работѣ, въ установкѣ вашего міровоззрѣнія, въ формировкѣ вашихъ убѣжденій, становясь какъ бы старшимъ *архитекторомъ* или *скульпторомъ* своего рода *маэстро*, образъ мыслей котораго учитъ и заражаетъ и вліяніе котораго, подобно вліянію центральной электрической станціи, ощущается на всѣхъ, даже промежуточныхъ и периферическихъ, пунктахъ.

Слѣдуетъ ли мнѣ *жалеть*, что мои лекціи, съ такой явно выраженной тенденціей—не только сообщать знанія, но и содѣйствовать выработкѣ убѣжденій, приходится не на первый и второй курсы, когда самостоятельная мысль только пробуждается, а на послѣдній и предпослѣдній годы вашего пребыванія въ Академіи, когда высшее образование, а съ нимъ вмѣстѣ предполагается, и кладка міровоззрѣнія по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, близится къ концу и уже не „за горами, не за долами“—предназначенная для каждаго изъ васъ общественная дѣятельность?

Несомнѣнно, и тотъ (возможный), и другой (существующій) порядокъ имѣетъ свои преимущества.

Въ первомъ случаѣ, при благопріятномъ воздѣйствіи моихъ лекцій на вашу мысль, онѣ могли бы помочь вамъ возвести *фундаментъ* для своей послѣдующей стройки, указать для вашего творчества тотъ *путь*, по которому оно должно направляться, чтобы достигнуть опредѣленныхъ положительныхъ результатовъ.

Но это преимущество парализуется равнымъ ему неудобствомъ. Закладываемый фундаментъ, впоследствии, при продолжающейся работѣ, могъ бы быть *сдвинутъ* однимъ ударомъ или *разобранъ* по камешку. Творчество, поставленное только что на извѣстный путь, легко могло бы быть *выбитымъ* изъ своей колеи. Неопытная въ началѣ мысль и не достаточно обширная оріентировка въ наукѣ—слишкомъ ненадежная почва, чтобы на ней можно было съ успѣхомъ насаядать имѣющее питать нашу жизнь религіозное міросозерцаніе.

* Не то нужно сказать теперь.

Если мысль котораго-нибудь изъ васъ продолжаетъ сладко

дремать подъ теплымъ покровомъ дѣтскихъ вѣрованій, на мягкомъ возглавіи традиціонныхъ взглядовъ, то хочется, чтобы мои лекціи, въ числѣ прочихъ *могли* служить новымъ толчкомъ для ея пробужденія.

Но если кто успѣлъ уже проснуться и даже построить себѣ міровоззрѣніе, то и ему не мѣшаетъ *лишний разъ* взглянуть въ зеркало Догматическаго Богословія, *вновь* осмотрѣть свою работу, чтобы убѣдиться, все ли одинаково исправно и крѣпко, не требуется ли какой *пристройки* или даже *перестройки*.

Возможенъ и третій случай, для меня наиболѣе удобный. Вашъ духовный міръ находится *въ самомъ процессѣ созиданія*. Ваша мысль вмѣстѣ съ другими психическими способностями кипитъ *въ тигль творчества*. Конечно, не человеку принадлежитъ творческое слово „да будетъ“ и не намъ съ вами—установленіе духовной „субботы“. Однако, несомнѣнно, въ созданіи внутренняго міра намъ принадлежитъ *извѣстная доля участія*, за которую мы являемся отвѣтственными.

Что же требуется, въ такомъ разѣ *отъ меня*, какъ преподавателя православной догматики? Мнѣ не нужно, какъ въ первомъ случаѣ, будить васъ, трясти за плечо, толкать подъ бока и звать на работу: вы уже на ней. Мнѣ слѣдуетъ лишь съ любовью друга и внимательностью добраго помощника подойти къ вамъ и постараться открыть передъ вами въ золотомъ футлярѣ *православно-догматическаго ученія* идеальный планъ міросозерцательнаго зодчества.

Позвольте мнѣ, въ заключеніе, использовать два сравненія—притчи: одно главнымъ образомъ, для васъ, другое — для меня, поскольку и „посвященіе“ это, какъ сказано въ началѣ, касалось *васъ и меня*.

Я вижу себя на огромномъ заводѣ, раздѣленномъ на семь мастерскихъ—аудиторій, въ которыхъ изготовляются электрическія лампочки. Однѣ изъ нихъ начинаютъ только отливаться, другія скоро будутъ готовы совсѣмъ. Пройдетъ годъ, и послѣднія должны будутъ вспыхнуть фериической люстрой или отдѣльными звѣздочками въ широкообъемлющихъ стѣнахъ русской церкви. Лампочки, это — вы. Желаю вамъ *самимъ* горѣть жарче и *другимъ* свѣтить ярче. О себѣ же скажу такъ. На ступенькахъ храма мудро-

сти сидить „учитель“. Его окружает „толпа“, по рядамъ которой разсѣяна небольшая горсть „учениковъ“. Онъ говоритъ всѣмъ о Богѣ и душѣ; о началѣ и концѣ всѣхъ вещей; о времени и вѣчности; о правдѣ и любви. „Толпа“ зѣваетъ и постепенно отходить назадъ, а группа „учениковъ“ продвигается впередъ и сжимается плотнѣе вокругъ „учителя“. И тогда „учитель“, поднявшись во весь ростъ и окинувъ взглядомъ предстоящихъ, воскликнулъ: не надо мнѣ *многотысячной толпы*, съ меня довольно и *одного ученика*. Такъ каждому педагогу пріятнѣе имѣть одного ученика, чѣмъ миллионъ слушателей.
